

*Моим родителям,
моей семье и моим коллегам*

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Функционализм и новая (регулятивная парадигма в лингвистике) научная парадигма	13
Определение языка в рамках регулятивной лингвистики.....	35
Язык как система: подсистема номинативных единиц.....	67
Язык как система: подсистема строительных единиц (фонема)	129
Подсистема регулятивных единиц: текст.....	147
Георусистика — русистика XXI века	184
Об актуальности регулятивного подхода для современной русистики.....	191
Заключение	201
Литература.....	211

ВВЕДЕНИЕ

Если говорить предельно кратко, то смысл этой книги в том, чтобы сменить в сознании социума фразу «*у всего в мире есть функция*» на фразу «*все в мире сотворено функцией*». По сути дела, речь в книге идет о новой лингвистической научной парадигме, которую я именую функциональной в отличие от парадигмы уходящей — субстанциональной. Задача моя (как и в предыдущих моих книгах) показать научному лингвистическому сообществу, которое, на мой взгляд, абсолютно и принципиально субстанционально, те аномалии, которые соссюрровский субстанционализм пояснить не может. Задача — избавиться от «скелетов в шкафу» нашей науки, о которых я писал не так давно [Рудяков 2020].

Прежде чем говорить об истории этой книги — несколько слов о названии.

Написание книги дается непросто... Но вот — она готова. И нужно сделать еще один сложный шаг — дать книге имя. Я уже писал в своей монографии «Лингвистика и ее скелеты в шкафу» о том, как непросто найти нужную номинацию новой реалии. Сложно это сделать и сейчас.

Когда-то я писал о проблеме, которую назвал «проклятие порядка слов». Именно с этим «проклятием» я вновь встретился, столкнувшись с необходимостью дать книге имя: «Функция и язык» или «Язык и функция»???

Хотелось бы иметь в арсенале что-нибудь «функциятворящая естественный язык», но — увы — не с нашей удачей. Конечно же, не подходит вызывающее поистине физиологическое неприятие «Функции языка», поскольку под этим названием скрывается простое перечисление всего, что кто-то когда-то зачем-то наговорил о чем-то языковом.

Нет! В названии книги должны быть, с моей точки зрения, именно эти два феномена, занимающие доминирующие позиции в системе понятий, отражающих нашу человеческую реальность в нашем человеческом мире, невозможном без языка и без функции.

Я выбрал все же «Функция и язык». Причина достаточно проста: я надеюсь, что книгу заметят не только лингвисты и филологи, для которых, как мне кажется, мои книги — тревожные симптомы скорого разрушения уютного субстанционального филологического мирка. Есть даже субъекты, получившие некоторую известность за критику постулатов моей георусистики. Но — функция и язык им судья. А я иду дальше, стремясь не к увеличению индекса цитирования, а к обеспечению понимания моих текстов читателями. Именно поэтому я из раза в раз в какой-то степени повторяю сказанное и написанное. Наполеону приписывают фразу: «Существует только одна заслуживающая внимания фигура риторики — повторение». И я вполне согласен с этим, поскольку не цитирование — «мать учения», а именно повторение, без которого понимание станет еще более редким феноменом.

Итак, «Функции и язык»!!!

Вернемся теперь к истории этой книги. Я решил (продолжая свою работу по продвижению лингвистического функционализма) написать статью о феномене функции в лингвистике. Однако вскоре после начала работы оказалось, что статьи будет недостаточно: надо писать книгу.

Парадоксально, но все, что я писал в последние годы, так или иначе было связано с функцией и функционализмом. «Лингвистический функционализм и функциональная семантика», «Язык, или Почему люди говорят», «Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология», «Георусистика: русский язык в глобальном мире», «Лингвистика и ее “скелеты в шкафу”» — все они посвящены утверждению новой прогрессивной функциональной языковедческой научной парадигмы, отличительным свойством которой является осознание органически присущего нашему человеческому миру и нашему человеческому языку примата функции над субстанцией.

И при этом парадоксально, что именно феномен функции оказался в итоге недостаточно определен.

Здесь нужно особо остановиться на том, что для меня значит «определен». Я писал, наверное, во всех перечисленных книгах и напишу еще раз, что принципиально важно правильно определить сам феномен определения. И ни в коем случае не отождествлять определение реалии (очень удобный термин для языковеда, имеющего дело с материальными, идеальными и знаковыми «штуковинами»; реалия — нечто

существующее⁷) с высказываниями о ней независимо от того, истинны они или ложны. Высказываний о реалии может быть бесконечно много, определение как характеристика сущности реалии — одно. Я вернусь к этому позже намного подробнее.

Я писал о том, что адекватное определение должно быть стратифицированным перечислением субстанциональных, функциональных и системных качеств реалии. Стратифицированным, потому что сущность реалии в мире человека функциональна. Именно функция реалии является тем фактором, который порождает само бытие реалии в нашем мире.

Готовя к изданию книгу «Лингвистика и ее “скелеты в шкафу”», составной частью которой стало переиздание «Лингвистического функционализма и функциональной семантики», я — к ужасу своему — обнаружил, что, определяя функцию реалии в противопоставлении ее субстанции и ценности, что оказалось достаточным на том этапе рассуждений, я невольно (!) в полемическом задоре (!) отступил от собственных же требований и не определил функцию так, как требовал сам же. Точнее, это определение оказалось содержащимся имплицитно и нуждалось в самостоятельной дешифровке читателем.

Предлагаемая книга заполняет эту лауну. Она призвана прямо ответить на прямой вопрос: «Что это такое — функция»? Следуя логике всех моих предыдущих штудий, это предполагает ответ на вопрос «для чего это предназначено?».

То есть после определения того, что есть функция по своей субстанции, по своей ценности, я должен объяснить, что есть функция функции.

И это не есть пустая игра ума. Это — завершение (скорее, продолжение) процесса определения важнейшего для лингвистического функционализма понятия. Понятия фундаментального.

Я продолжаю с удовольствием цитировать афористическое высказывание В. В. Бибихина, который в своей книге с предельно простым названием «Мир» пишет о том, что «настоящая наука в своем существе — это чистая техника. Ее утверждения говорят в форме «если — то...»...:

Когда мы имеем дело с наукой, надо помнить, что все ее утверждения имеют форму «если — то...», поэтому наука не может в принципе

сказать, что такое мир, не узнав у нас сначала, что мы понимаем под миром: «Если вы понимаете мир таким-то образом, отсюда следуют такие-то выводы. “Научная картина мира” поэтому — *contradictionina-dicto*; понимание мира, как и понимание любого простого начала, например, единства, должно быть сначала заложено в науку, чтобы наука могла его применить» [Бибихин 1995: 44, 110].

Что справедливо по отношению к миру, справедливо и по отношению к языку: функциональная лингвистика такова, насколько функционально «заложено» в нее определение (понимание, видение) функции и, как следствие, естественного языка. В основе моей регулятивной концепции языка, в основе георусистики и лингвистической инструментологии как логических следствий этой концепции, равно как и в школьных учебниках и работах по «смысловому» чтению, находится понимание функции. Как оказалось, неожиданно для меня самого, это понимание нуждается в более глубоком понимании (без тавтологии здесь, увы, не обойтись).

Этим я сейчас и займусь вместе с Вами, читатель. Это будет непросто.

ФУНКЦИОНАЛИЗМ И НОВАЯ (РЕГУЛЯТИВНАЯ ПАРАДИГМА В ЛИНГВИСТИКЕ) НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА

Непосредственным поводом для первоначального замысла статьи, которая в процессе написания переросла в книгу, стала ситуация, сложившаяся на заседании одной из секций конгресса РОПРЯЛ 2021 года, которой мне посчастливилось руководить.

Одна из коллег, выступавших с докладом, не смогла ответить на простой и закономерный вопрос, чем отличается ее понимание функционального подхода от других. И дело здесь не в этой конкретной коллеге, а в том явлении, которое скрывается, на мой взгляд, за этой ситуацией и которое, опять же на мой взгляд, стало настолько распространенным и обыденным, что уже не вызывает особого удивления.

Когда-то в «Общей и русской идеографии» Ю. Н. Караулова я вычитал слово «само-собой-разумеемость», которое, на мой взгляд, предельно точно характеризует то явление, о котором я сейчас говорю. Мы слишком многие вещи, требующие в научной деятельности тщательного и обстоятельного определения, стали считать и понимать в качестве «само-собой-разумеющихся», что, по сути дела, подразумевает подмену научных понятий понятиями обыденными, бытовыми, теми, по А. А. Потебне, «ближайшими значениями», которые обслуживают отражение мира на уровне здравого смысла.

Собственно говоря, преодолением этой без преувеличения преступной «само-собой-разумеемости» понимания (а точнее, непонимания) феномена *функция* и займусь в этой книге. Я считаю это преодоление краеугольным для современной лингвистики, переживающей болезненный период смены научной парадигмы.

Куда же мы можем обратиться в поисках определения функции?!

Функция — понятие если не философское, то общенаучное, поэтому искать его определение в лингвистической литературе можно, но не совсем логично. А скорее, совсем не логично.

Очень бы хотелось начать с обзора того семантического безобразия, которое творится в области попыток объяснения значения слова «функция» в толковых и энциклопедических словарях. Мне пришлось бы вновь заняться отлично зарекомендовавшим себя компонентным анализом. Я лично никогда ему не изменял ни в одной из своих диссертаций. Собственно говоря, книга «Лингвистический функционализм и функциональная семантика» во многом посвящена именно переосмыслению места компонентного анализа в языкознании и его значению для функциональной лингвистики [Рудяков 1998].

Возможен иной путь. Гипотетический. Если бы у нас были идеографические словари, или словари «от смысла к форме», мы могли бы поступить иначе и искать способы выражения идеи «для чего это есть (существует)». Скорее всего, мы бы нашли слово «назначение». О котором сказано «основная функция». Круг замкнулся. Любимый мой круг толкований, в котором «лиловый — это светло-фиолетовый», а «фиолетовый — темно-лиловый». Или еще один пример из диссертационного прошлого: «руководитель — тот, кто руководит», «руководить — быть руководителем». Я пишу это отнюдь не в укор составителям словарей. Их героический труд по дешифровке означаемых знаков достоин самых высоких наград и похвал. И — в то же время — очень трезвой оценки в отношении степени адекватности толкований.

Итог таков. Изучение словарных толкований ничего нам не даст. Разве что пару подсказок. Если есть основная функция, то есть и не основная. И в толковом словаре английского языка — указание на сам феномен бытия. Как причины бытия. Это важно.

Утверждение, что термин «функция» широко используется в современном языкознании, сопровождается констатацией кодирования этим термином достаточно пестрого содержания. Как правило, следующий за этим обзор взглядов, мнений, воззрений действительно демонстрирует очевидную неоднородность пониманий термина «функция» и всех его производных: функции языка, функции языковых единиц и т. п. При этом собственно содержание категории «функция» не определяется, являясь якобы заведомо понятным.

Однако созерцание того азарта, с которым авторитетные исследователи естественного языка перечисляют великое множество его «функций», не может не породить невольный протест у человека, с детства знакомого с базовыми принципами устройства нашего — человеческого — мира. Да, да, именно мира, а не языка.

Всем нам, конечно же, известно, что каждая реалья может быть использована по-разному. Об этом хорошо написал В. Г. Гак:

Понятие функции связано с понятием целевого назначения, независимо от того, создается ли это назначение природой или человеком. Следует, таким образом, различать понятия функция, использование и эффект. Функция структурно обусловлена: объект возникает или создается с определенной целью, благодаря достижению которой сохраняется объект или система в целом. ... Использование носит нерегулярный, факультативный характер. Например, в известном ленинском примере со стаканом использование стакана для питья есть его употребление в его первичной функции. Но употребление его для того, чтобы держать пойманную бабочку или в качестве пресс-папье относится уже к собственно употреблению, но не к функции стакана. И, наконец, эффект характеризуется нецеленаправленностью... [Гак 1977: 181].

Не следует ли дифференцировать множество подобных, но все же различающихся прежде всего своей значимостью для системы явлений, которые мы по сложившейся инерции именуем словом (не термином!!!) «функция»? Очевидно, что множество функций реалии должно быть иерархически упорядочено, должно иметь, на мой взгляд, «полевое» строение, включающее центр и периферию.

Эта и есть та самая «само-собой-разумеемость» функции, с которой я начал эту главу. Одним из ее неприятных следствий является отождествление функции и функционирования, о недопустимости которого писал А. В. Бондарко:

В понятии функции как назначения той или иной единицы языка следует различать два аспекта — потенциальный и результативный. Функция в потенциальном аспекте... — это присущая той или иной единице в языковой системе способность к выполнению определенного

назначения и к соответствующему функционированию. Функция в результативном аспекте... — результат функционирования данной единицы во взаимодействии со средой, т. е. назначение как достигнутая в речи цель [Теория 1987: 17].

Преодолеть «само-собой-разумеемость» понимания чего угодно означает дать определение этому «что угодно». Да! Нужно определить, что такое функция. Не просто высказаться по поводу функции, а именно определить. Тогда и то, что мы с лихостью именуем функционализмом и функциональной грамотностью станет осмысленным и операциональным. И окажется, что наше сегодняшнее «понимание» не совсем функционально, как это ни забавно звучит.

Здесь я должен быть честен и сам с собой, и с читателем. Принципиально важно не соблазниться «само-собой-разумеемостью» понимания феномена определения и... определить само определение.

Что значит «дать определение»? Что такое определение? Обычная уловка с перечислением «синонимов» нас не устроит.

Для меня определение — крайне важная вещь, потому что оно в предельно краткой форме задает правила обращения с реальией. Определение адекватное — мы правильно пользуемся явлением, вещью, инструментом, едой, напитком. Определение неадекватное — и это может быть не только неверно, но и опасно.

Определение отличается от множества высказываний о реальности только одним. Высказывания могут быть ложными, истинными. Каждая реальия многогранна, поэтому истинных высказываний может быть много. В качестве примера можно привести перечень многочисленных «функций» языка, которые упоминаются в ряде исследований и о которых будет речь ниже. Дело в том, что все приписываемые языку функции входят в число «истинных высказываний», однако на этой основе будет затруднительно выстроить определение, которое представляет собой такое истинное высказывание, которое характеризует сущность реальности.

И в этой характеристике определения все вроде бы понятно. За одним «небольшим» (здесь очень уместен смайлик) исключением. А что такое «сущность»?